

«НОВЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ» КАК ИДЕЙНАЯ ОСНОВА КОНСТИТУЦИОННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

***Аннотация.** Статья посвящена эволюции либерализма в России на рубеже XIX–XX веков, его роли в процессе конституционной модернизации страны. Исследованы исторические условия формирования «нового (социального) либерализма», возникшего как ответ на кризис классического либерализма и общественные вызовы того времени. Отмечается, что кризис выступил результатом переосмысления в научной и общественно-политической мысли многих развитых стран базовой экономической доктрины либерализма – *laissez-faire* (невмешательство). Главным трендом в исследуемый период стала концепция социальной справедливости и социальной ответственности государства. «Новый либерализм» был идейной основой различных политических партий и движений в России, объединенных стремлением к мирной трансформации государства в правовое и демократическое.*

***Ключевые слова:** либерализм, новый либерализм, модернизация, конституционализм, свобода, справедливость, социальная ответственность.*

«NEW LIBERALISM» AS AN IDEOLOGICAL BASIS OF CONSTITUTIONAL MODERNIZATION OF RUSSIA AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES

***Abstract.** The article is devoted to the evolution of liberalism in Russia at the turn of the 19th and 20th centuries and its role in the process of the country's constitutional modernization. The historical conditions of the formation of «new (social) liberalism», which emerged as a response to the crisis of classical liberalism and the social challenges of the time, are explored. It is noted that the crisis was a result of the reinterpretation of the basic economic doctrine of liberalism, *laissez-faire*, in the scientific and socio-political thought of many developed countries. The main trend during the studied period was the concept of social justice and the social responsibility of the state. «New Liberalism» became the ideological foundation for various political parties and movements in Russia, united by their desire to transform the state into a legal and democratic one peacefully.*

***Keywords:** liberalism, new liberalism, modernization, constitutionalism, freedom, justice, social responsibility.*

С последней четверти XX века по настоящее время происходит отчетливо выраженная смена глобальной идейно-политической парадигмы. Помимо экономических кризисов, характерных для капиталистического типа экономики, мировое сообщество сотрясает деструктивный вектор, выбранный рядом ведущих стран в качестве главного направления во внутренней и внешней политике. Наблюдается не только нарушение традиционной иерархии ценностей, но и размывание самой их сущности: подвергнуты критическому пересмотру понятия международного права, государственного суверенитета, социального равенства, индивидуальной свободы, семьи, да и само существо биологической природы человека [1].

Все эти фундаментальные для жизни общества структурные перемены оправдываются реализацией субстанционального принципа либерализма, — индивидуальной свободы как высшей ценности человеческого бытия. Этот принцип лежал в основе великих экономических и политических преобразований, создавших современную информационную цивилизацию. Мыслители разных стран и континентов на протяжении столетий стремились в концептуальном философском дискурсе осмыслить, вербализовать и верифицировать либерализм как форму жизни и отношение к миру. Сложилась формула, предлагающая понимание либерализма как определенной цивилизационной парадигмы, основывающейся на изначально присущей человеку тяге к свободе. Такой подход окончательно закрепился к концу XVII века и был директивным трендом для прогрессивно мыслящих личностей, желавших реализовать модернизационные проекты в своих странах, но уже к концу XX века был размыт в противоборстве различных оттенков его семантического переосмысления.

* * *

Развитие либеральной мысли и ее верификация в конце XIX — начале XX веков происходили в экономике — в условиях масштабирующегося капиталистического способа производства, и в социально-политической сфере — как отклик на возникновение и распространение марксистских идей, ориентированных на социальные преобразования. Возникла необходимость пересмотра положений классического либерализма в сторону гуманизации, учета интересов наиболее социально незащищенных слоев населения, свободы и самоуправления в определенных сферах экономики.

В мировой общественной мысли активизировались дискуссии о либерализме, что послужило толчком к модернизации либеральной теории в целом. В Британии экономист и публицист Дж. Гобсон [2], социолог и философ Л. Хобхауз [3], в Германии экономисты В. Рёпке [4] и В. Ойкен [5], в США историк и политолог Ч. Бирд [6], философ Дж. Дьюи [7], начав пересмотр классических положений либеральной теории, сформулировали несколько важнейших принципов либерализма, которые оказались настолько радикальными, что возникла необходимость переосмысления

его субстанциональных основ. Подверглась ревизии главная экономическая доктрина либерализма *laissez faire* — принцип минимального государственного регулирования экономики и экономического вмешательства в сферу частных интересов.

Джон Гобсон емко суммировал формирующиеся воззрения на социально-экономические отношения исследуемого периода: «Нужда во всё более сильном общественном контроле над современным машинным производством, в тех случаях, когда производство остается в главном под руководством частной предприимчивости, допускается теперь всеми, хотя развитие этого контроля не было повсюду одинаково и определялось скорее давлением конкретных жалоб, чем принятием какой-нибудь ясной теории общественной ответственности. Другие ограничения индивидуальной свободы в индустрии предполагают более ясное признание ложности принципа *laissez faire* <...> нельзя надеяться, что конкуренция частных интересов будет работать на благо общества» [2, с. 393].

В России, по свидетельству известного историка А.А. Кизеветтера, не находил понимания «либерализм манчестерского типа <...> сторонники либеральной доктрины вовсе не стояли за принцип *laissez faire*, а напротив, придавали большее значение государственному вмешательству в экономические отношения в интересах социальной справедливости» [8, с. 72].

Эта особенность развития политических идей в России на рубеже XIX и XX веков была созвучна либеральным идеям Старого Света. Впервые русская политическая мысль оказалась на лидирующих позициях в Европе. В теоретических построениях либеральных мыслителей определилось понимание роли государства, в котором было признано позитивное значение регулятора и координатора общественных пропорций отношения к материальным благам. Уточнялись, а вернее, впервые теоретически осмыслились идеи социальной справедливости и солидарности, было замечено и теоретически артикулировано противоречие между индивидуализмом и коллективными интересами.

Так зарождался «новый (социальный) либерализм», как ответ на тяжелый кризис либеральной идеологии. Его истоки лежали в обострении антагонизма между «равенством» и «свободой». Примечательно, что такой известный ученый и общественный деятель как Людвиг фон Мизес, сторонник классического либерализма, уже в начале XX века, рассматривая либерализм предельно узко, не находит в нем места для гуманитарной составляющей. «Либерализм, — писал он, — представляет собой доктрину, целиком и полностью направленную на поведение людей в этом мире. В конечном счете он не подразумевает ничего, кроме повышения материального благополучия людей, и напрямую не касается их внутренних, духовных и метафизических потребностей. Он обещает людям не счастье и умиротворение, а лишь максимально полное удовлетворение всех тех желаний, которые могут быть удовлетворены с помощью вещей внешнего мира» [9, с. 16–17].

Теоретики «нового либерализма» ввели понятие «социальные права», что должно было дополнить понятие «индивидуальные права». Они искали, по возможности, непротиворечивого сочетания свободы и социальной ответственности, а потому особый акцент делали на идеях парламентаризма и разделения властей. Эти идеи наиболее выразительно были представлены в творчестве английского экономиста и философа середины XIX века Джона Стюарта Милля, который подчеркивал, что человек — существо социальное, и общественный прогресс связан с развитием институтов, воспитывающих в нем «социальные» качества. Он показал, что идеи либерализма не исчерпываются утверждением необходимости конкуренции для прогресса, что сотрудничество и взаимодействие также продуктивны и конструктивны [10].

Его идеи подхватывали и развивали многие мыслители, среди которых наиболее последовательным был Джон Дьюи, американский философ, яркий представитель прагматизма. Он писал: «Ранее либерализм рассматривал отдельные и конкурирующие экономические действия индивидов как средства достижения общественного благополучия в качестве цели. Мы должны изменить перспективу и увидеть, что обобществленная экономика — это средство свободного индивидуального развития в качестве конечной цели» [11, р. 90].

Все эти идеи оказывали значительное воздействие на политическую практику стран Западной Европы, на которую традиционно ориентировались либеральные мыслители и политические деятели России. Но в данном случае ситуация развития либеральной мысли была своеобразной. Дело в том, что «новый либерализм» с его отчетливой гуманистической парадигмой возникает в России практически одновременно с аналогичными идеями на Западе. Это объясняется традиционным вниманием русской культуры к положению «маленького человека» и проблемам «униженных и оскорбленных». Традиция решать социальные проблемы в гуманитарном ракурсе позволяла русским либералам находиться в актуальном дискурсе и даже опережать своих западных единомышленников.

Вместе с тем именно либеральные ученые-гуманитарии искали доказательства общих цивилизационных основ русской и западноевропейских культур. Одним из фундаментальных исследований в этой области стал труд П.Н. Милюкова «Очерки по истории русской культуры» [12]. По мнению Л.И. Селезневой, «П.Н. Милюков вывел свое представление о природе российского либерализма на основе профессионального изучения истории своей страны, активно используя при этом сравнительно-исторический метод. Незрелость средних слоев в России, в отличие от западных стран, лишала либерализм здесь социальной окраски. Либерализм в России, по его мнению, был не социальный, а интеллектуальный. Его корни — не в интересах каких-то определенных слоев населения, а в сознании интеллигенции. Обратим внимание на то, что данная концепция была сформулирована П. Милюковым еще до конституирования либеральных партий» [13, с. 6].

Следует подчеркнуть, что Л.И. Селезнева отметила главную особенность формирования либеральных идей на рубеже XIX–XX веков: принципиальную теоретичность, игнорирование реалий развития конкретной страны в определенный исторический период. Необходимо было воплотить в жизнь культурно-политологическую схему некой системы, к которой устремлялся прогресс. Именно поэтому адептами идей «нового либерализма» выступали интеллигенты.

В произведениях А.А. Кизеветтера и А.А. Корнилова, посвященных преимущественно российской истории XVIII и XIX веков, серьезное внимание уделено двойственности российской культурной традиции, наличию двух глубоко различных по сути укладов жизни. При этом ими сделаны одинаково оптимистические выводы о быстрых и прогрессивных изменениях в стране после реформ 60–70-х годов XIX века [14; 15].

Значение социальной, а не экономической доминанты прекрасно выразил Б.Н. Чичерин. «Если либеральное направление, — писал он, — не хочет ограничиваться пустословием, если оно желает получить действительное влияние на общественные дела, оно должно искать иных начал, начал зиждущих, положительных <...> Свобода не состоит в одном приобретении и расширении прав. Человек потому только имеет права, что несет на себе обязанности <...> Но верховный нравственный закон, идея добра — это неперенное условие свободы» [16, с. 121].

Особенность ситуации состояла еще и в том, что, твердо ставя проблемы в гуманистическом аспекте, то есть развивая либеральные концепции, сами либеральные мыслители понимали, что в России в должной мере не воплощены еще главные принципы «классического либерализма» (политические свободы, гражданские права и т.п.). Они существовали в проблемном поле российского либерализма в виде теоретических концепций, но не конкретных политических программ.

На этапе формирования «нового либерализма» теоретические построения и постепенно возникающие партийные программы были нацелены на поиск компромиссных путей развития страны, изменения не власти и строя, но представлений власти о праве и ответственности за каждого человека, об уточнении политической структуры страны в направлении расширения гражданских прав. По этому поводу А.Н. Егоров пишет: «Под российским либерализмом начала XX века понимается политическое и идейное течение, стремившееся к построению в России гражданского общества и правового государства эволюционным путем. Речь идет о либерализме в качестве осмысленной стратегии практического действия. При таком подходе российский либерализм предстает как реальное социально-политическое движение, которое вело борьбу за свои идеалы. Хронологические рамки этой борьбы — от первых годов XX в., когда либерализм вышел на историческую сцену как серьезная политическая сила, до окончания Гражданской войны, означавшего поражение либерализма в России» [17, с. 4]. С этим мнением

нельзя не согласиться, особенно в части того, что «новый либерализм» в России имеет достаточно конкретные очертания. Во всяком случае, его предельный рубеж развития определен отчетливо.

Все либеральные построения, на которых строился и развивался философский и общественный дискурс России, по крайней мере, двух столетий, со всеми идейными спорами и утверждениями, был завершен победившими идеями гражданских прав и свобод. Именно обоснование правовой основы государства было задачей творческих усилий либеральных мыслителей рубежа веков (XIX–XX). По мнению Н.В. Мамитовой, это наиболее сильная и разработанная доктрина русского либерализма. «Теоретическим обоснованием отношения либералов к власти, — утверждает она, — является понимание роли права в общественной жизни и связанная с ним идея правового государства <...> все сходились на том, что предпосылкой правового государства должно стать государство конституционное» [18, с. 14].

* * *

Идеи российского конституционализма, а также методы достижения этой цели вырабатывались постепенно на протяжении нескольких десятилетий, и полем борьбы, оттачивания идей была периодическая печать. С начала 1860-х годов в «Отечественных записках», а затем на страницах журналов «Русская мысль», «Русское богатство», «Русские ведомости», «Вестник Европы» формировалась либеральная программа и намечалась тактика земской оппозиции. «Вестник Европы», основанный в 1866 году, подхватил эстафету разработки той конституционной линии в русской либеральной прессе, которая была начата «Отечественными записками».

Одним из ведущих журналов либеральной направленности во второй половине XIX века был «Юридический вестник», выходивший с 1867 года. Его публикации по проблемам конституционализма носили очевидную теоретическую направленность. Редакция издания считала необходимым знакомить читателей с уже существующим опытом конституционного развития других стран. В первую очередь публиковались материалы, посвященные истории и теории западного конституционализма. Также печатались статьи по проблемам земства, давалось юридическое обоснование свободе слова, отстаивалась гласность судопроизводства и суда присяжных.

В числе концептуальных материалов журнала можно назвать статью М.М. Ковалевского «Политическая доктрина Франции прошлого столетия», опубликованную в 1892 году. Предметом исследования стала политическая ситуация во Франции XVIII века, когда между королем и Национальным собранием было достигнуто согласие относительно необходимости принятия в стране конституции и переустройства государства на либеральных принципах. По этому поводу автор статьи писал: «Нам трудно будет допустить, что по вопросу о разделе политической власти между королем и народным представительством не могло состояться соглашение» [19, с. 357].

В статье прослеживалась параллель с внутривластными вопросами России: необходимость перемен эволюционным путем, предотвращение революционных сломов, социальной драмы и сохранения монархической власти при условии ее готовности идти на уступки требованиям времени.

Настойчивое обращение русской либеральной прессы к опыту европейских собратьев достаточно иронично прокомментировал В.Б. Пастухов: «Историю русского конституционализма проще излагать в медицинских, чем в политологических терминах. Это история непрекращающихся попыток осуществить успешную трансплантацию либеральной идеологии в отторгающую ее культуру <...> Но <...> рождение русской конституции, по всей видимости, было подготовлено собственной внутренней логикой развития русской культуры <...> Раньше, чем появились заимствования, возникала потребность в них» [20, с. 11–12].

С 1879 по 1892 год должность редактора «Юридического вестника» занимал С.А. Муромцев, который впоследствии стал председателем I Государственной думы. Как последователь проведения либеральных реформ в стране, он вместе со своими единомышленниками подал председателю правительства М.Т. Лорис-Меликову «Записку о внутреннем состоянии России», где были озвучены предложения о необходимости учета мнения либеральной общественности и создания из представителей земств «особого самостоятельного совещания» с законосовещательными функциями. Некоторые идеи этого документа были использованы при подготовке «Конституции Лорис-Меликова» [21, с. 14].

В связи с этим Л.А. Морозова считает, что «в своем проекте Конституции С.А. Муромцев исходил из необходимости закрепления следующих установлений: обязательная сила закона для всех, неприменимость законов во всеобщее сведение, возможность отмены закона исключительно актом не ниже ранга закона, объявление неимеющими обязательной силы распоряжений правительственных органов, никакие оправдания тем, что нарушение закона допущено должностным лицом по приказу начальства» [22, с. 12].

Своеобразным манифестом либералов стало также «Открытое письмо Николаю II», написанное П.Б. Струве по просьбе либеральных земцев: «Если самодержавие на словах и на деле отождествляет себя со всемогуществом бюрократии, если оно возможно только при совершенной безгласности общества и при постоянном действии якобы временного „Положения об усиленной охране“, дело его проиграно; оно само роет себе могилу и раньше или позже, но, во всяком случае, в недалеком будущем падет под напором живых общественных сил. Вы первый начали борьбу, и борьба не заставит себя ждать» [23, с. 163]. Здесь ясно обозначен призыв к совместной деятельности властей с общественностью и уже ясно звучащие обвинения власти в неразрешимости конфликта.

Значительную роль в развитии российского конституционализма как политической практики в начале XX века сыграл П.Н. Милюков. Политическую карьеру он начал в нелегальном журнале «Освобождение», являясь одним из его основателей. В процессе работы над изданием он близко познакомился с либеральной земской средой, считал важным распространение либеральных западноевропейских идей в России. Будучи профессиональным историком, при глубоком изучении русской культуры он применял компаративистский метод, стремясь понять суть современных ему расхождений России и Европы. По его мнению, «...европеизация России не есть продукт заимствования, а неизбежный результат внутренней эволюции, одинаковой в принципе у России с Европой, но лишь задержанной условиями среды» [24, с. 105–106].

Отсюда в его логических построениях следовал естественный вывод, отмеченный современным исследователем: «П.Н. Милюков придерживался той точки зрения, что в России необходимо сначала установить конституционную монархию, основанную на принципах конституционализма, парламентаризма и разделения властей с учетом российских особенностей исторического развития, и только затем на основе изменения народного правосознания постепенно преобразовать ее в республику. Различая социальную и политическую („конституционную“) революцию, П.Н. Милюков считал, что исторические государственные формы нельзя разрушать социальной революцией, а только постепенно преобразовывать путем „конституционной“. При этом к понятию „конституционной“ революции, по его мнению, можно отнести любое общественное движение, имеющее прогрессивное политическое и социальное содержание для поступательного развития вперед государства в целом» [25, с. 9].

Эта оценка требует некоторых уточнений. По своим теоретическим высказываниям, по обозначению своей позиции на шкале социально-реформаторских сил в стране конца XIX века Милюков относился к представителям «нового либерализма». Но в своей политической деятельности он неоднократно совершал резкие, если не сказать авантюрные поступки. К числу таковых относится его участие в Парижской конференции 1904 года, на которую собрались представители революционных и оппозиционных партий России.

Организатором конференции был лидер финской Партии активного сопротивления Конни Циллиакус. Она проводилась на деньги японского генерального штаба (здесь нужно учесть, что в 1904 году началась русско-японская война). «Союз освобождения» на этой конференции был представлен П.Н. Милюковым, П.Б. Струве, П.Д. Долгоруковым и В.Я. Яковлевым-Богучарским. Все участники весьма трепетно относились к своим принципиальным позициям и исключали какие-либо компромиссы. Итоговый текст резолюции включал в себя следующие положения: «Уничтожение самодержавия; отмена всех мер, нарушивших конституционные права Финляндии.

Замена самодержавного строя свободным демократическим режимом на основе всеобщей подачи голосов. Право национального самоопределения; гарантированная законами свобода национального развития для всех народностей; устранение насилия со стороны русского правительства по отношению к отдельным нациям» [26, с. 152]. Так что свержение самодержавия было частью конституционной концепции Милюкова. Оставался вопрос, каким образом?

Несмотря на все меры борьбы с революционными идеями, принимаемые как правительственными кругами, так и умеренными либералами, общество проникалось протестными настроениями, которые вылились в первую русскую революцию 1905–1907 годов. Для стабилизации политической обстановки в стране в политико-правовом поле вектор развития был направлен на ограничение самодержавия и постепенный переход к конституционному правлению путем издания новых нормативных актов. В связи с этим император Николай II 6 августа 1905 года подписал манифест об учреждении Государственной думы как «особого законосовещательного установления».

Манифест предоставлял Думе право предварительной разработки и «обсуждения законодательных предположений»¹. Осенью того же года (17 октября 1905 г.) издается Высочайший Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», разработанный председателем комитета министров С.Ю. Витте по поручению императора. Согласно манифесту власть распределялась между монархом и Государственной думой, представителей в которую отныне выбирали все классы; даже те, которые ранее были лишены избирательных прав. Все законы получали юридическую силу только после одобрения Государственной думой, населению предоставлялись «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов»².

Монархический конституционализм в России получил легальное оформление в «Высочайше утвержденных Основных Государственных Законах», обнародованных 23 апреля 1906 года, которые принято называть первой российской октроированной (дарованной, жалованной) конституцией. Императору предоставлялись широкие полномочия по всем предметам ведения, включая исключительное право на пересмотр Основных законов империи; он оставался верховным главнокомандующим армии и флота, главой внешней политики российского государства. В законах получили дальнейшую конкретизацию «незыблемые основы гражданских свобод»,

¹ Высочайший Манифест от 6 августа 1905 г. «Об учреждении законосовещательной Государственной думы» // Полное собрание законов Российской империи». Собр. 3-е. Т. XXV (1905). № 26 803. СПб., 1908. С. 754.

² Высочайший Манифест от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» // Государственная дума в России в документах и материалах. М., 1957. С. 90.

дарованные Манифестом 17 октября³. Таким образом, монархом был изменен вектор развития страны в сторону либерализации.

Большая часть населения России воспринимала перемены негативно. Люди расходились в методах противодействия верховной власти. Крупная политическая партия «Союз 17 октября», возглавляемая авторитетным земским деятелем Д.Н. Шиповым, выступала за умеренные либеральные реформы. Членами ее также были финансист А.И. Гучков, крупный землевладелец М.В. Родзянко, фабрикант В.П. Рябушинский, известный адвокат Ф.Н. Плевако, помещик В.В. Шульгин и другие. В программе партии подчеркивалось, что ее целью является оказание содействия «правительству, идущему по пути спасительных реформ, направленных к полному и всеобщему обновлению государственного и общественного строя России»⁴.

Другая крупная леволиберальная политическая партия — «Конституционно-демократическая» («Партия Народной Свободы») — выбрала тактику конструктивной оппозиции и всемерно оппонировала царскому правительству. В состав партии вошли либерально настроенные средние землевладельцы, средняя городская буржуазия, учителя, врачи, служащие. В партию кадетов входил практически весь цвет тогдашней интеллигенции: историк П.Н. Милюков, крупные юристы С.А. Муромцев, В.М. Гессен, Л.И. Петражицкий, С.А. Котляревский, Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев и так далее. Несомненно, их критика реформистской деятельности правительства была острой, публицистически яркой и убедительной.

В целом позиция «нового либерализма» оставалась в пределах консервативной и эволюционной трансформации государственной системы. Однако нельзя не отметить, что к концу XIX века происходила постепенная радикализация требований либералов. Для этого в известном смысле были предпосылки. Все яснее проявлялось, что Россия не может свернуть с пути реформ хотя бы потому, что даже самые последовательные консерваторы понимали необходимость модернизации. Если Витте и его правительство прилагали усилия для создания промышленной базы и финансового оздоровления страны, то кабинет П.А. Столыпина делал упор на реформирование аграрного сектора, создание «фермерского класса» и реформу государственного управления.

В перспективе Россия могла выйти на передовые рубежи в мировой экономике, но становление капиталистических отношений шло медленно, еще и с большими сложностями и противоречиями. Процессы в экономике вызвали серьезные социальные сдвиги, — в деловую жизнь пришли новые слои населения, что изменило привычную картину иерархии сословий.

³ Высочайше утвержденные Основные Государственные Законы // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. XXVI. Отд. I. № 27 805. СПб., 1909. С. 456.

⁴ Сборник программ политических партий в России. Вып. 2. / под ред. В. Водовозова. СПб., 1905. С. 42.

Укрепился предпринимательский слой, всё отчетливее заявляла о себе буржуазия, уже структурированная в различных сферах деятельности. Понятно, что она становилась все более весомой в политической жизни.

Развитие капитализма в стране с неизбежностью предполагало принятие конституции, в которой были бы предусмотрены равенство граждан и свобода конкуренции. При этом существовала инерция исторической традиции страны, построенной самодержавием и скрепленной монархической властью. Поэтому ответственные государственные и общественные деятели конца XIX века стояли на позициях сохранения единовластия при условии его конституционного оформления. Это положение было внутренне противоречивым, так как сохранение монархии означало сохранение сословного строя, что оказывалось тормозом в развитии капитализма.

Для решения постоянно усложнявшихся задач государственного управления, по мнению либеральных мыслителей, необходим был парламент, в котором бы соединились представители всех сословий и социальных слоев страны для формулирования социальных запросов своих избирателей. «Это, — отмечает А.Ю. Шутов, — был период поиска баланса полномочий и прерогатив различных уровней самодержавной власти и общественно-сословного самоуправления. Власть и общество пытались выйти на новый уровень взаимодействия, далекого, конечно же, от партнерства, но и стремившегося к разделению ответственности за местные дела между самоуправлением и коронной бюрократией. Накапливался большой опыт согласования интересов самодержавия и земств, выходявший за пределы административного регулирования, который мог быть осмыслен лишь в рамках конституционного процесса» [27, с. 11].

Эволюция российского либерального конституционализма предполагала верификацию теоретических наработок прогрессивных мыслителей либерального толка. Представители «нового либерализма» постоянно говорили о необходимости капиталистической модернизации России, о введении в стране парламентских институтов и раскрепощении личности. При элитарной ограниченности основного мобильного ядра «нового либерализма» постепенно расширялась и демократизировалась его социальная база. Несмотря на то, что общественное направление либеральной мысли было представлено сторонниками европейского пути развития, на котором государственность строилась через революционные сломы, большинство либеральных деятелей в конце XIX века настаивало на необходимости модернизации страны «сверху». «Новый либерализм» продолжал принципы демократизации, заложенные Д.А. Милютиным, К.Д. Кавелиным, Б.Н. Чичериным, М.Т. Лорис-Меликовым.

Революция 1905 года и последовавшие за ней политические события определили в истории русского либерализма период, связанный с возникновением политических партий с осознанной либеральной направленностью — кадетов, октябристов, прогрессистов. И хотя «новый либерализм»

по-прежнему ориентировался на земскую и городскую интеллигенцию, в начале XX века позиция либералов изменилась — от идейной, в большей степени теоретической борьбы к реальным политическим действиям на конкретной политической арене. Отсюда возникли размежевания и естественный поиск новых союзников. Часть представителей «нового либерализма» оставалась на традиционных консервативных позициях, а часть «левела», сближаясь с весьма радикальными, а порой и экстремистскими кругами. Но все, так или иначе, стремились к широким социальным и политическим реформам.

* * *

Подводя итоги исследования, можно констатировать, что идейную основу и социальную базу «нового либерализма» составляли представители крупного помещичьего землевладения, буржуазия, интеллигенция и студенчество. Это была небольшая, но крайне активная часть российского общества. Они вдохновлялись пафосом парламентаризма, воодушевляясь идеей ограничения самодержавия. Становилось все более понятным, что формирующееся в русском либерализме с 90-х годов XIX века новое радикально-демократическое течение требует, если не доктринального оформления, то отчетливой структуризации.

В самом либеральном движении не было выработано единой платформы, мировоззренческие характеристики нового течения были чрезвычайно разнообразны. «В новом либерализме уживались сторонники идей „естественного права“ и „народного суверенитета“, представители социологической и юридической школ, марксисты и традиционалисты, неонародники и неославянофилы и т.д.» [28, с. 6]. Данную особенность довольно-таки едко в 1907 году отметил Л.Б. Каменев: «Эта публика не знает русского либерализма как доктрины, как политической системы, как тактической линии. Так, недавно появился либерализм как политическая партия на арене русской истории, а публика что-то с трудом вспоминает, как и когда он родился, кто стоял у его колыбели, когда и как он боролся за существование» [29, с. 638].

Это же подтверждает и современный исследователь: «Политико-правовая доктрина российского либерализма, созданная во второй половине XIX века и развитая в начале XX века, никогда не базировалась на единой теоретической или политической концепции, представляла собой множество течений и направлений, часто противоречащих друг другу, соперничающих между собой. Политически это ослабляло позиции российских либералов, а с точки зрения теории свидетельствовало о продолжавшемся процессе ее формирования, давало надежду на ее дальнейшее развитие» [30, с. 12].

Такое положение действительно свидетельствует о социальной ограниченности «нового либерализма», проявлявшейся в конце XIX века. Но уже в начале XX века это была не просто значительная, но ведущая историческая

сила, влиявшая на судьбу страны. П.Б. Струве настаивал на необходимости постоянного обращения ко всё более широким народным массам. Через свои легальные органы печати — еженедельник «Право», газеты «Новая жизнь» и «Сын отечества» — «Союз освобождения» вел широкую пропагандистскую работу, привлекая на свою сторону новых сторонников.

В целом, российские либералы всех направлений не ратовали и даже боялись социальных потрясений и были сторонниками мирной трансформации Российского самодержавного государства в правовое. Однако многие либеральные политические деятели этого периода не всегда достаточно глубоко оценивали особенности исторической ситуации в стране и своей не всегда взвешенной публицистикой способствовали усилению социальной нетерпимости, что привело в итоге к революционным событиям, прекратившим либеральные процессы в стране на многие десятилетия [31].

Интерес к проблемам становления российского конституционализма сохраняется и сегодня. В понимании исторической логики развития различных подходов к Основному закону коренится и понимание развития русского либерализма как общественно-правового движения, направленного на создание гражданского общества и основанного на соблюдении прав всех его членов [32]. Различные подходы к пониманию источника формирования российского конституционализма можно сгруппировать вокруг двух точек зрения. Согласно первой в России идеи конституционализма не были заимствованы с Запада, они имеют свои давние традиции, уходящие корнями в глубь веков [33, с. 4]. Вторая точка зрения предполагает, что для большинства государств, в том числе и России, конституционализм может иметь только заимствованное происхождение [34, с. 9]. Истина, как правило, между полярными мнениями.

Список литературы

1. Денильханов А.Х. Восток-Запад: социальная турбулентность // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2023. № 1. URL: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2023-1-1242> (дата обращения: 07.11.2025).
2. Гобсон Дж. Эволюция современного капитализма: Эволюция современного капитализма. С предисл. авт., напис. для этого изд.: Пер. с англ. / Гобсон. Санкт-Петербург: О.Н. Попова, 1898. [2], VIII, 424 с.: карт., табл., диагр.: 21 (Экономическая библиотека).
3. Hobhouse L.T. Liberalism. Williams & Norgate. London. 1911. 256 p.
4. Röpke W. The social crisis of our time. The University of Chicago Press, Chicago 37. W.J. Gage & Co., Limited, Toronto 2B, Canada. 1950. 272 p.
5. Eucken W. The foundation of economics. History and Theory in the Analysis of Economic Reality. Translated by T.W. Hutchison. William Hodge and Company Limited. London. 1941. 362 p.
6. Beard Ch. A. An Economic Interpretation of The Constitution of The United States. New York. The Macmillan Company. 1962. 161 p.

7. Dewey J. Liberalism and social action. G.P. Putnam's Sons. New York. 1935. 93 p.
8. Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий: Воспоминания, 1881–1914 / А.А. Кизеветтер; [Вступ. ст. и коммент. М.Г. Вандалковской; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории]. Москва: Искусство, Б. г. (1997). 395, [1] с.
9. Мизес Л. Либерализм / Перевод с англ. и комм. А.В. Куряева. Международное издание. Москва; Челябинск: Социум, 2011. 496 с.
10. Милль Дж.С. Основания политической экономии Дж.С. Милля: Основания политической экономии Джона Стюарта Милля с портр. пер. 1859 г. / Пер. и примеч. Н.Г. Чернышевского. Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1909. VI, [2], 664 с.
11. Dewey J. Liberalism and social action. G.P. Putnam's Sons. New York. 1935. 93 p.
12. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 2-х т. Т. 1 / П.Н. Милюков; [сост., автор вступ. ст. и коммент. Н.И. Канищева]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 904 с. (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).
13. Селезнёва Л.И. Российский либерализм на рубеже 19–20 веков и европейская политическая традиция: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Ростовский ун-т. Москва, 1996. 46 с.
14. Кизеветтер А.А. Россия на рубеже XVIII и XIX столетий / Вступительные лекции профессоров Московского императорского университета: П.Г. Виноградова, А.А. Кизеветтера, А.А. Мануилова [и др.]. Москва: Костром. землячество при Моск. ун-те, 1909. 99 с.
15. Корнилов А.А. Курс истории России XIX века / А. Корнилов. 2-е изд., [перераб.]. М., 1918. 3 т. Ч. 1. 1918. 283 с.
16. Чичерин Б.Н. Различные виды либерализма // Общественные науки и современность. 1993. № 3.
17. Егоров А.Н. Отечественная историография российского либерализма начала XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 / Егоров Андрей Николаевич; [Место защиты: Моск. гос. обл. ун-т]. Москва, 2010. 50 с.
18. Мамитова Н.В. Либеральные концепции конституционного государства в России (конец XIX–начало XX веков). Автореф. дис. ... к.ю.н., Спец. 12.00.01 / Мамитова Н.В.; [Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ]. М. 1997. 22 с.
19. Ковалевский М. Политическая доктрина Франции прошлого столетия / Юридический вестник. 1892. № 11.
20. Пастухов В.Б. У конституционной черты. Вызовы и ответы российского конституционализма // Полис. Политические исследования. 2013. № 1.
21. Зорькин В.Д. Муромцев: монография / В.Д. Зорькин. Москва: Юридическая литература, 1979. 128 с. (Из истории политической и правовой мысли).
22. Морозова Л.А. О политизации юридической науки // Конституционное право и политика [Текст]: сборник материалов Международной научной конференции, 28–30 марта 2012 года / Юридический фак. МГУ им. М.В. Ломоносова; отв. ред. Авакьян С.А. Москва: Юрист, 2012.
23. Пирумова Н.М. Земское либеральное движение [Текст]: Социальные корни и эволюция до начала XX века / Н.М. Пирумова; АН СССР. Ин-т истории СССР. Москва: Наука, 1977. 288 с.
24. Милюков П.Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. 528 с.

25. Попова А.В. Политико-правовые взгляды П.Н. Милюкова: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Акад. упр. МВД РФ. Москва, 2004. 21 с.
26. Павлов С. Опыт первой революции: Россия, 1900–1907 / С.Б. Павлов. Москва: Акад. Проект, 2008. 654 с.
27. Шутов А.Ю. Земство и конституционализм // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки, издательство Изд-во Моск. ун-та (М.). 2015. Т. 6. № 6.
28. Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России / В.В. Шелохаев; Ассоц. «Рос. полит. энцикл.», Рос. независимый ин-т соц. и нац. проблем, Центр полит. и экон. истории России. М.: Роспэн, 1996. 277, [2] с.
29. Каменев Л.Б. Из истории русского либерализма / Л.Б. Каменев // О свободе: Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века) / РАН. Институт философии; Отв. ред. М.А. Абрамов. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
30. Акашкин И.А. Формирование политико-правовой доктрины российского либерализма во второй половине XIX — начале XX веков: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Акашкин Игорь Алексеевич; [Место защиты: Современ. гуманитар. акад.]. Москва, 2009. 28 с.
31. Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Парламент самодержавной России: Государственная Дума и ее депутаты, 1906–1917. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995. 168 с.
32. Медушевский А.Н. Конституционные революции в России XX века: сравнительный анализ // Неприкосновенный запас. 2005, № 6(44).
33. Пархоменко А.Г. Идеи российского конституционализма и их реализация в отечественном конституционном (государственном) праве. М.: Молодая гвардия, 1998. 159 с.
34. Пастухов В.Б. Россия на конституционном перекрестке // Конституция как фактор социальных изменений: Сб. докладов. М.: Центр конституц. исслед. Моск. общ. науч. фонда. 1999.